

ный жанр, совмещающий в себе доклад и небольшое концертное выступление — такое интенсивное профессиональное общение, безусловно, оставило о себе очень полные и яркие впечатления. Об этом говорили участники конференции, благодаря ее организаторам — оргкомитет, и особенно А. А. Штром, взявшую на себя бóльшую часть всех забот по проведению столь мас-

штабного мероприятия, и, конечно, заведующего кафедрой, профессора И. М. Тайманова — инициатора состоявшегося научно-практического форума. Хочется надеяться, что так необходимый всем нам сегодня (в век электронных средств общения) живой человеческий профессиональный разговор о насущном будет продолжен в ближайшем будущем.

“Musicology is constantly expanding”

The Interview with R. Taruskin and M. Frolova-Walker

«Музыковедение постоянно расширяется»

Интервью с Р. Тарускиным и М. Фроловой-Уокер

«Музыковеды — опасные люди»

Ричард Тарускин — крупнейший музыковед современности, ведущий пропагандист русской музыки за рубежом. Автор эпохальных работ по истории русской музыки, творчеству Стравинского, шеститомной «Оксфордской истории западной музыки».

In the framework of the international conference “Rimsky-Korsakov — 175. Year after year” (March 18–21, 2019), well-known musicologists Richard Taruskin (USA) and Marina Frolova-Walker (United Kingdom) gave lectures. In his lecture “Rimsky-Korsakov is catching up”, held on March 20 at the Saint Petersburg State University, Professor R. Taruskin revealed the connection between Rimsky-Korsakov and German music theory. A day earlier at the Rimsky-Korsakov Museum, Professor M. Frolova-Walker talked about the composer’s search for the ways to update the Russian musical style at the turn of the XIX–XX. Conversations with eminent scientists took place on March 20, 2019.

Keywords: R. Taruskin, M. Frolova-Walker, N. A. Rimsky-Korsakov, Russian music, musicology, conference, the Saint Petersburg State University, Rimsky-Korsakov Museum, the Saint Petersburg Rimsky-Korsakov State Conservatory, University of Cambridge.

В рамках прошедшей в Санкт-Петербурге международной конференции «Римский-Корсаков — 175. Год за годом» (18–21 марта 2019 года) выступили известные музыковеды Ричард Тарускин (США) и Марина Фролова-Уокер (Великобритания). В своей лекции «Римский-Корсаков догоняет», состоявшейся 20 марта в Санкт-Петербургском государственном университете, профессор Р. Тарускин раскрыл связь Римского-Корсакова с немецкой теорией музыки. А днем ранее в Музее-квартире Н. А. Римского-Корсакова профессор М. Фролова-Уокер рассуждала о поиске композитором путей обновления русского музыкального стиля на рубеже XIX–XX веков. Беседы с именитыми учеными состоялись 20 марта 2019 года.

Ключевые слова: Р. Тарускин, М. Фролова-Уокер, Н. А. Римский-Корсаков, русская музыка, музыковедение, конференция, Санкт-Петербургский государственный университет, Мемориальный музей-квартира Н. А. Римского-Корсакова, Санкт-Петербургская консерватория, Кембриджский университет.

Интервьюеры. *Прежде всего, позвольте спросить, какие у вас впечатления от конференции?*

Ричард Тарускин. О! Я прекрасно провожу время! Вообще, конференции — это именно то, чем я люблю заниматься. Когда в одном месте собирается большое

«Музыковедение постоянно расширяется»

количество людей, и все они разделяют твои интересы... Можно рассказать и услышать много нового. Это больше всего мне нравится в конференциях.

И. Конференция идет уже третий день, возможно, уже сейчас вы могли бы сказать, что понравилось вам больше всего?

Р. Т. Непростой вопрос... Самым интересным для меня оказалось посещение квартиры Римского-Корсакова. Сама атмосфера этого места, где сохраняются те самые вещи, где бывало так много людей, где были сделаны знаменитые фотографии — например, та, на которой Стравинский с Римским-Корсаковым и своей женой, с дочерью Римского-Корсакова и Штейнбергом... И ты можешь вообразить, как все было в то время. Можете себе представить, какое впечатление это производит!

И. Мы понимаем, что следующий наш вопрос отнюдь не нов, однако он уже стал классическим и всегда нам интересен. Особенно сейчас, в год 175-летия Николая Андреевича Римского-Корсакова. Можете ли вы сказать несколько слов о положении русской музыки и особенно музыки Римского-Корсакова в США? Обращаются ли к ней исследователи?

Р. Т. Довольно долгое время очень мало музыки Римского-Корсакова было известно за пределами России. Понимаете, есть некоторые хорошо знакомые всем вещи — многие знают «Шехеразаду», «Садко» и «Полет шмеля». Но оперы Римского-Корсакова всегда были малоизвестны. А они, тем временем, являются важнейшими сочинениями в его наследии. Ситуация изменилась в 1990-х, когда русские музыканты, певцы, дирижеры стали путешествовать по всему миру и привозить музыку Римского-Корсакова. Теперь западная аудитория знакома с его потрясающими операми и продолжает знакомиться. Это очень увлекательно — открывать новый удивительный музыкальный мир. Так что интерес к русской музыке возрос, и появляются новые исследования. В Америке есть молодые музыковеды, которые занимаются русской музыкой и Римским-Корсаковым. Можно сказать, ситуация с Римским-Корсаковым сейчас очень хорошая.

И. Мы знакомы с некоторыми вашими работами («Text and Act»¹, «The Oxford history of Western music»²) и концепциями по поводу состояния и необходимого пути развития современного музыковедения... Если позволите, вопрос о ваших собственных исследованиях: работаете ли вы над чем-то сейчас?

Р. Т. Знаете, последние несколько лет, с тех пор, как я ушел из Калифорнийского университета, я, по большей части, путешествую. Как сейчас. Я готовлю лекции, доклады на конференции — опять же, как сейчас. Так что, в основном, в настоящее время я пишу статьи, лекции и речи. Три мои последние книги были сборниками таких работ, и, как видите, я не останавливаюсь... Но в ко-

нечном счете, я хочу написать две книги. Я думаю о том, чтобы написать руководство для обучения музыковедов, потому что занимаюсь этим уже многие годы. А еще хочу написать книгу «История западноевропейской музыки». Я уже написал такой многотомник — «The Oxford history of Western music», хочу теперь сделать короткую версию. Но я еще посмотрю, смогу ли. Писать небольшую книгу гораздо труднее.

И. И последний вопрос. Он не имеет прямого отношения к конференции, но, тем не менее, очень важен для нас, начинающих исследователей. Иногда складывается ощущение, что музыковеды никому не нужны. Такая мысль, конечно, ужасна, но реальность такова, как бы сильно мы ни любили нашу науку. Бывало ли у вас когда-нибудь такое ощущение? Что бы вы могли сказать тем, кого посещают эти грустные мысли?

Р. Т. Так бывает. Я могу сказать, что написать хорошую музыковедческую работу — самое лучшее отмщение всем. Если ваша работа хороша — люди прочитают ее. Конечно, можно встретить тех, кто не любит музыковедов. Многие музыканты смотрят на музыковедов подозрительно. Потому что мы — опасные люди. Но, я думаю, что нам нужно только по-прежнему делать свою работу. И иногда быть дружелюбными. Я вам этого желаю и надеюсь, у вас все получится!

¹ См.: [4].

² См.: [5].

«Русский стиль невозможен без Римского-Корсакова»

Среди исследовательских интересов Марины Фроловой-Уокер — советский период в истории русской музыки. Профессор Кембриджского университета с классическим консерваторским образованием (Марина Фролова — выпускница Московской консерватории), она считает важной миссией распространение русской музыки по всему миру. Для М. Фроловой-Уокер значим не только педагогический, но и просветительский аспект — быть частью всеобщей музыкальной жизни.

Интервьюеры. *Вчера на лекции³ вы упомянули об одном из своих принципов в анализе — «Что на что похоже». Каким образом вы к этому пришли?*

Марина Фролова-Уокер. Честно говоря, это была шутка. На самом деле, эта фраза принадлежит моему учителю Екатерине Михайловне Царёвой. Когда я только начинала свое обучение у нее (с 15 лет), как-то раз она нам сказала: «Вот чем мы занимаемся? Ну, в основном, выясняем, что на что похоже». Я знаю, не всем этот принцип близок, но для меня такой музыкальный аспект — вслушивание в музыку — имеет очень большое значение. Многие мои работы на этом и построены. Например, сейчас я пишу книгу о Пятой симфонии Шостаковича. Там большое количество музыкальных сравнений, которые, на мой взгляд, многое объясняют. Такие сопоставления всегда интересны — часто какие-то произведения, которые были популярны раньше, скажем, когда Шостакович писал свои симфонии, вышли из обихода (например, Вторая симфония Кшенека). И через эти связи можно восстановить картину того, что окружало и было важным для Шостаковича в тот период. Ведь если из него мы учитываем только те произведения, что популярны сейчас, то теряем истинный облик эпохи.

И. *Наверняка вы часто встречаетесь с критикой такой позиции. Или с оспариванием тех параллелей, которые вы проводите. Какой исход обычно бывает в подобных ситуациях? Каждый остается при своем мнении?*

М. Ф.-У. Обычно переубедить никого нельзя (*смеется*). Один из моих студентов, Володя Орлов⁴, написал работу о «Кантате к двадцатилетию Октября» Прокофьева⁵. Он годами убеждал меня и других специалистов в том, что она стилистически близка джазу. В какой-то момент я решила — что-то в этом есть! Но полностью принять так и не смогла. В основе таких ассоциаций заложено очень интуитивное восприятие, не позволяющее легко перейти с одной точки зрения на другую. Если ты что-то услышал, то расслышать иное уже невозможно.

И. *Но ведь даже многие из тех, кто критикует, рано или поздно обращаются к подобному сравнению и сопоставлению. То есть, отрицают именно «похожесть», но говорят, что параллели есть. Очень часто говорят об этом и в исследованиях о русской музыке — сравнивают и с зарубежной музыкой, и с произведениями внутри национальной школы. Характерно ли это вообще для работ европейских исследователей?*

М. Ф.-У. Знаете, в западном музыковедении сейчас много работ, которые к музыке не имеют никакого отношения. Совсем. И выполняются теми людьми, которые не имеют музыкального образования...

И. *...в связи с вездесущей социологией?*

М. Ф.-У. Да, в основном, с социологией. Или истории, которые имеют очень поверхностное представление о том, как музыка устроена. Некоторые работы посвящены таким вещам, которые и музыкой-то назвать язык не поворачивается. Так называемые *sound studies* [исследования звука. — *англ.*] теперь очень популярны. А ведь это может быть обо всем. Вот было проведено исследование о комфортном для человеческого уха уровне шума сушилки для рук. И люди, выполнившие это исследование, причисляют себя к сфере музыковедения. Очень много сейчас студенческих работ, посвященных исключительно либретто. Я не вижу в этом ничего дурного, но нахожусь в оппозиции к такому подходу. И стараюсь прививать такой взгляд своим ученикам.

И. *Вернемся к 175-летию Н. А. Римского-Корсакова и Международной конференции в его честь. На лекции вы сказали, что Римский-Корсаков не был в фокусе ваших исследований. Есть ли этому какая-то особая причина?*

М. Ф.-У. Я имела в виду, что не работала с архивами Римского-Корсакова. Все, что я делала, основывается на музыкальных произведениях, на трудах других исследователей. Когда я писала свою книгу по русской музыке в целом⁶, Римский-Корсаков оказался в ней одной из центральных фигур, мимо которой нельзя было пройти, потому что без него невозможно представить тот самый русский стиль. Римский-Корсаков был своеобразным цементом для него. Когда мне заказали для *The Grove Dictionary* монографическую статью о Римском-Корсакове, я обратилась к его биографии и творчеству. От этого и пошло мое представление о его деятельности поздних годов. Но все же Римским-Корсаковым я не занималась так, как, например, Сталинскими премиями, исследование которых было абсолютно оригинальным и базировалось на архивных источниках⁷.

И. *Как часто русские композиторы становятся объектами исследований в Англии? Их вообще изучают?*

М. Ф.-У. Был какой-то момент, когда интерес возрос. За это надо благодарить профессора Ричарда

³ Лекция М. Фроловой-Уокер «Римский-Корсаков, „русская музыка“ и „так называемая общая музыка“».

⁴ Владимир Сергеевич Орлов — ныне доцент кафедры теории и методики преподавания искусств и гуманитарных наук факультета свободных искусств и наук Санкт-Петербургского государственного университета.

⁵ См.: [1].

⁶ См.: [2].

⁷ См.: [3].

«Музыковедение постоянно расширяется»

Тарускина, который ввел русскую композиторскую школу в мейнстрим. Но этот момент прошел. Вот и сейчас мои аспиранты, в основном, занимаются какими-то иными темами.

И. *Чем это можно объяснить?*

М. Ф.-У. С одной стороны, появились новые тенденции, новая мода, на формирование которой повлияло развитие мирового музыковедения. Поэтому сейчас возникают работы о музыке тех стран, которые раньше совсем не исследовались европейскими музыковедами, — Японии, Китая, государств Южной Америки. Но у нас есть группа преданных товарищей-энтузиастов, которые хоть и не родились в России, но выучили русский (а ведь языковой барьер является одним из самых тяжелых препятствий) и занимаются исследованиями русской музыкальной культуры.

И. *Получается, в Европе сохранилось восприятие нашей традиции как чего-то экзотического и восточного?*

М. Ф.-У. Я так не думаю. Просто музыковедение постоянно расширяется, при этом изменяя свое основное направление, свою методику. Например, сейчас период популярности социологического подхода. Также все чаще появляются студенческие работы о популярной музыке, что тоже отражает интерес молодого поколения. Ведь раньше это вообще не изучалось. Многие в Англии приходят в университет не с классическим музыкальным образованием, а с навыками music technology. Они умеют создавать композиции на компьютере, а не на бумаге. Но от этого музыка не перестает быть самой собой. Поэтому все это — расширение поля для деятельности, и тоже влияет на частоту обращения к русской школе.

И. *Тогда как это согласовывается с концертной практикой?*

М. Ф.-У. Парадокс заключается в том, что на концертной эстраде русские композиторы — одни из самых исполняемых. Можно сказать, что Рахманинов занимает первое место по исполняемости (вместе с Равелем). Затем — Шостакович, Прокофьев, Стравинский. Но изучают их мало. Потому что не выработана еще система и методика специально для русских композиторов. Вот как ты будешь изучать Рахманинова? В Англии пока никто не нашел ответ на этот вопрос. Подходы, конечно, есть. Я вот хочу написать работу про Второй концерт Рахманинова как глобальный феномен — его проникновение в популярную музыку (он множество раз звучал в кинофильмах, писались песни на основе его тем, например, Синатра пел одну из таких⁸). Концерт стал частью поп-культуры как символ романтической любви... Вот таким образом и возникают разные подходы.

И. *А какое место русские композиторы занимают в учебном процессе, в частности, в Кембридже?*

М. Ф.-У. Понимаете, у нас все построено совершенно по-другому, нежели в России. Сейчас мы прихо-

Автор фото — Сергей Герасимов

дим к философии отсутствия обязательных предметов. И даже отказываемся от идеи обзорного курса, хотя раньше они были — по старинной музыке, по XIX веку, по XX-му. Но невозможно за 10 лекций охватить всё! Поэтому приходится выбирать какой-то канон. А студенты всегда хотят идти против этого канона: «Где женщины-композиторы? Где то, где сё?» Нет объективного понимания того, что важно. Поэтому очень часто наши курсы построены на том, что интересует профессоров. Для этого есть выражение “research driving teaching”, то есть преподавание движимо именно научными изысканиями. Поскольку там я в штате, то кембриджские студенты имеют почти каждый год один курс по русской музыке. Кроме тех периодов, когда я в отпуске. И тогда они русской музыкой не занимаются. Обычно, хотя бы раз за свое трехлетнее обучение, они проходят через мои руки. В дальнейшем эти лекции оказывают влияние не только на их музыкальный интерес, но в некотором роде и на мировоззрение.

И. *Есть какие-то конкретные примеры этого влияния?*

М. Ф.-У. Из Кембриджа студенты выходят обычно успешными музыкантами, выступают потом на лучших

⁸ “I Think of You”.

сценах мира, например, в Метрополитен-опера, в Ковент-Гарден. Например, один из моих студентов не так давно дирижировал «Евгением Онегиным» Чайковского. Для этого он брал у меня уроки русского языка. Таким образом, все эти лекции идут в дело, в практику. Получается, я — часть всеобщей музыкальной жизни и могу повлиять не только на какие-то музыковедческие труды, но и на продвижение русской музыки в массы.

И. У вас за плечами более 100 публичных лекций. Вы регулярно выступаете на телевидении и радио. Какое место для вас занимает музыкально-просветительская деятельность?

М. Ф.-У. Для меня это уже потребность. Началось это, прямо скажем, с моей комсомольской карьеры. Тогда каждый член ВЛКСМ должен был вести общественную работу. У меня она заключалась в участии в творческих концертных бригадах. Мы ездили в совершенно разные места, рассказывали о музыке, играли... Я до сих пор помню мою первую лекцию в медицинском училище. На нее пришли будущие медики, всего на два-три года младше меня. Я тогда рассказывала о Бахе. И в какой-то момент просто почувствовала, что и им, и мне это нравится. С этого-то всё началось. Я этим всегда занималась.

И. Как это воспринималось в профессиональной среде Кембриджа?

М. Ф.-У. У нас в университетской системе это совершенно не признавалось, поэтому ты делал это исключительно из собственной заинтересованности. Многие мои коллеги принижали тех, кто читал такие публичные лекции. Однажды я участвовала в передаче на радио, посвященной женщинам Шостаковича, тому, какое отражение они получили в его произведениях. И после эфира один из моих коллег сказал мне: «А что, эта передача была для детей?» Это был замечательный иронический кембриджский подкол, типично английский юмор. А сейчас произошел интересный политический поворот (по крайней мере, в Великобритании). Мы, музыковеды, должны постоянно оправдывать себя и то, чем занимаемся — как мы влияем на общество? И теперь оказалось, что публичное музыковедение стало очень важной частью нашей работы! Вдруг эти лекции кому-то понадобились, подобная деятельность стала считаться в каком-то смысле заслугой.

И. Насколько академическая музыка и просветительские лекции о ней популярны в Англии?

М. Ф.-У. Сейчас происходит невероятное сужение концертной аудитории. Я не знаю, что происходит в России — в Москве и в Петербурге, как мне кажется, залы чаще всего полны. Но в Лондоне очень трудно собрать аудиторию. Во-первых, билеты дорогие. Во-вторых, на концерты ходят по большей части пожилые слушатели. Люди начинают этим интересоваться, только когда они выходят на пенсию. Приходишь — все головы седые. Это очень удручает. Думаешь, они скоро все вы-

мрут и никого не останется. Но на деле... они каким-то образом пополняются (*смеется*).

И. Новые седые головы?

М. Ф.-У. Да, именно так! В Англии люди почему-то ужасно любят учиться всю жизнь, посещать разные лекции, на которых им кто-то что-то объясняет. В Оксфорде есть факультет непрерывного образования для взрослых. Там раз в два года я традиционно читаю в течение целого дня 4 лекции о музыке. И люди приезжают с ночевкой, платят деньги, и с 9 до 17 сидят в душевной комнате и слушают то, о чем я рассказываю. На самом деле, для меня эти 25 человек, которые приходят на этот целый день, — самая лучшая аудитория. Порой с ними возникают совершенно невероятные разговоры.

И. У нас в России сейчас наблюдается большой запрос на науч-поп: появляется тематическая литература, разные ресурсы в Интернете (например, есть масса науч-поп каналов на YouTube). Однако связано это, по большей части, с естественными науками. Есть ли такой запрос на подобные источники популярного характера о музыке в Англии?

М. Ф.-У. Это сложный вопрос. Во-первых, даже с академической литературой возникают проблемы. С одной стороны, молодые ученые обязаны писать монографии из соображений карьеры. С другой стороны, эти книги никто не читает. Узкоспециализированные издания, построенные на кропотливом изучении солидного числа источников, с огромным количеством сносок и рассмотрением точек зрения разных ученых... Всё это интересно ужасно узкому кругу людей. Подчас читается только одна глава, какие-то конкретные параграфы. Редко осиливается книга целиком, от начала до конца. Мне, как уже не молодому ученому, хочется писать что-то для более широкого круга. В связи со спецификой аудитории ты не можешь вставить туда, например, нотный фрагмент, иначе это сразу отсекает огромное число читателей. И хотя у нас есть возможность иллюстрировать издание звуковыми примерами на веб-сайте, это остается большой проблемой.

Во-вторых, популярную литературу очень трудно писать. Нужно все время всё упрощать. Даже на минимальном уровне. Постоянно приходится бороться с собой. Поэтому намного проще такие книги писать журналистам, которые не работают в научной сфере. Им не нужно постоянно в каждой мелочи приходиться к болезненному компромиссу с самим собой.

И. Завершая наш разговор, хотелось бы узнать о ваших впечатлениях от конференции.

М. Ф.-У. Конференция замечательная, очень амбициозная, с большой, насыщенной программой. Первый день я, к сожалению, пропустила. Но вот только что прошла секция о Стравинском, в которой прозвучало много интересных мыслей и наблюдений. Во вторник был доклад о книге на немецком языке, посвященной Римско-Корсакову⁹. Казалось бы, имя ее автора совершенно

⁹ Имеется в виду доклад К. В. Дискина «Николай ван Гильзе ван дер Пальс и его книга об операх Римского-Корсакова», прочитанный 19 марта в Музее-квартире Н. А. Римского-Корсакова.

«Музыковедение постоянно расширяется»

никому не известно, однако оно сразу начинает работать в разных взаимосвязях, встраивается в общую картину, дополняя ее. Много было профессиональных докладов. Прекрасная презентация своей темы была у Анастасии Логуновой¹⁰, с продуманной структурой и музыкальными иллюстрациями. У молодых исследователей больше

времени на подготовку, нет пока плотной занятости. Поэтому они часто выступают даже лучше опытных ученых, что я с радостью для себя отмечаю.

С Р. Тарускиным и М. Фроловой-Уокер
беседовали А. Н. Палёва и З. В. Слободзян.
Перевела с английского З. В. Слободзян

Литература

1. Орлов В. Прокофьев и официальное искусство: Кантата к 20-летию Октября // Материалы всероссийского конкурса научных работ в области музыковедения. М.: Российская академия музыки им. Гнесиных, 2004. С. 72–100.
2. Frolova-Walker M. Russian Music and Nationalism: from Glinka to Stalin. New Haven; London: Yale University Press, 2007. 402 p.
3. Frolova-Walker M. Stalin's Music Prize: Soviet Culture and Politics. New Haven; London: Yale University Press, 2016. 369 p.
4. Taruskin R. Text and Act: Essays on Music and Performance. New York; Oxford: Oxford University Press, 1995. 382 p.
5. Taruskin R. The Oxford History of Western Music. 6 vls. New York: Oxford University Press, 2005. 4272 p.

Памяти Эры Суриной Барутчевой

Larisa DANKO “The door to the Muses is open!”

The report was delivered March 19, 2019, at the international scientific conference dedicated to the 50th anniversary of the Museum of the St. Petersburg Conservatory. The author tells about the multifaceted scientific, creative and teaching activities of Professor Era Barutcheva, the Museum's founder.

Keywords: E. S. Barutcheva, the Saint Petersburg Rimsky-Korsakov State Conservatory, Museum of the St. Petersburg Conservatory, Department of Music Criticism.

Лариса ДАНЬКО «Двери к Музам открыты!»

Доклад, прочитанный 19 марта 2019 года на международной научной конференции, посвященной 50-летию Музея Санкт-Петербургской консерватории. Автор рассказывает о многогранной научно-творческой и педагогической деятельности основателя Музея, профессора Эры Суриной Барутчевой.

Ключевые слова: Э. С. Барутчева, Санкт-Петербургская консерватория, Музей консерватории, кафедра музыкальной критики.

От редакции. Этот текст был приурочен автором к двойному юбилею — 50-летию Музея Петербургской консерватории и 85-летию его основателя и многолетнего директора Эры-Софьи Суриной Барутчевой — и прочитан в присутствии юбиляра на международной научной конференции 19 марта 2019 года в консерватории. Менее месяца спустя, 16 апреля Эры Суриной не стало. Мы публикуем текст доклада без изменений (лишь с небольшим послесловием автора) — как дань памяти истинному подвижнику русской музыкальной культуры.

«Двери к Музам открыты!» — этот оптимистичный призыв в несколько трансформированном виде прозвучал ровно 10 лет назад, 24 марта 2009 года, в «День

открытых дверей» по случаю 40-летия основания Музея истории Санкт-Петербургской консерватории. Все желающие могли посетить (и они сделали это!) просторное

¹⁰ Тема доклада А. А. Логуновой, прочитанного 20 марта в Санкт-Петербургской консерватории: «Вперед в прошлое: pezzi concertati в операх Римского-Корсакова и Стравинского».